

ТИПОЛОГИЯ КОМИ РАССКАЗА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА¹

Исследуется типология коми новеллистики 20-х гг. XX в. Выделяются основные типы рассказа этого периода – реалистический, иронико-юмористический, импрессионистический, лирический рассказ-миниатюра, философский рассказ

Ключевые слова: *рассказ реалистический, импрессионистический, иронико-юмористический, философский рассказ, лирический рассказ-миниатюра.*

Коми рассказ 20-х гг. XX в. – явление типологически многомерное. Являясь основной формой развития национальной прозы в этот период, он по уровню осмысления действительности занимает ведущее место, опережая поэзию и драматургию. В эпоху национального энтузиазма, грандиозного слома старой жизни и строительства новой, рождались произведения ставшие на коми языке высшим выражением духа своей эпохи. Рассказ отразил трагедию гражданской войны, рождение утопического сознания в его героическом и комическом ракурсах и самое главное – национальный характер в его глубинных архетипических проявлениях.

Реалистическая новеллистика 1920-х гг. в большой мере является подлинным документом эпохи. Время, ломавшее жизнь крестьян, изображалось предельно достоверно в написанных вскоре после войны рассказах В. Чисталева, Н. Попова, В. Савина, И. Сажина, И. Титова. В них нет романтики революции, как в поэзии тех лет, а есть трагедия народа: горе матери, потерявшей сына («Сім съд кымөр моз» – Как чёрная туча, 1926) Н. Попова, а жены – мужа («Кык час мысти» – Через два часа, 1926) И. Титова; самые тяжелые эпизоды гражданской войны (рассказ-очерк «Бöрынтьчигон» – При отступлении, 1929, В. Савина, «Шог асыв» – Печальное утро, 1925, В. Чисталева), чувства, переживания простых коми крестьян, которых захлестнула стихия гражданского противоборства и которые становятся ее безвинными жертвами («Ен тыш» – Великая борьба, 1927) И. Сажина и др.

Примером трагедии простого человека является судьба крестьянина дяди Михайло из рассказа И. Титова, которого зверски убили белогвардейцы мимоходом, просто заодно с коммунистом Гришей. И эта безвинная жертва потрясает даже больше, чем смерть коммуниста, – потому что он знает, что идет на смерть, а «Микайло дядь эз гөгөрво, мый сыкд вочоны. Сöмын отарө юасис: “Мыйысь нө, мыйысь... төварышьяс”» (дядя Михайло не понимал, что с ним делают, только все твердил: «За что,

за что... товарищи») [1, с. 71]. Признаком того, что он совсем запутался в этой новой жизни, является то, что он к белогвардейцам обращается – «товарищ».

Период революционной ломки крестьянской жизни породил не только драматические, но и комические коллизии, появилось иронико-юмористическое направление в коми прозе. Генетически иронико-юмористические рассказы восходят к устным рассказам, пересудам, забавным происшествиям в коми деревне 1920-х гг. Это рассказы «Луча» (1926) В. Савина, «Шева чуман» (Лукошко шевы, 1927), «Сё сикас» (Всякая всячина, 1926), «Четверть вина» (Четвертинка, 1927) И. Сажина, «Со колкө и уджав» (Вот и работай, 1929) П. Малафеева и др. Комические ситуации здесь рождаются из стремления людей приспособиться к новой действительности. Писатели в комическом модусе раскрывают, что получается, когда новое в сознании персонажа перемешивается со старым. В рассказах этого типа нет сатиры, а есть веселая остроумная фантазия и сочный народный язык, яркие приметы национального быта, – все это делает юмористический рассказ 1920-х гг. одной из вершин коми новеллистики.

Одним из самых известных произведений этого типа является рассказ В. Савина «Луча» (1926). В основу его писатель положил устное повествование о коми крестьянине из маленькой деревни Джиян Тист Иване. Невымысленность этого образа подчеркивает сам В. Савин: «Коді оз тд Тист Иванө! Висер вожд и Нывсер вожд быдөн тддöны сійос – ылө гөгөр нималö!» («Кто не знает Тист Ивана! И на Вишере и в Нившере его знают – кругом знаменит!») [1, с. 15]. Тист Иван – чудаки над ним смеются в деревне. Он первым не то что в деревне, а в волости отказался от крещения своего новорожденного сына и устроил «октябрины». Вся партиячейка выбирала ему имя, чтобы оно было «чорыд» (твёрдым) и «гөрд рөма» (красного цвета). На нелепость выбранного имени – Новолучин-

¹ Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта №12-И-6-2021 по Программе фундаментальных исследований президиума РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX в.».

ский-Чумбаров (в честь погибшего героя гражданской войны Чумбарова-Лучинского) – автор деликатно намекает упоминанием о том, что никто в деревне не слышал, чтобы Тист Иван обращался к сыну по имени. Однако за смешным поглядывает в рассказе В. Савина глубокая, серьезная вера в новую жизнь, в новые отношения. Писателя интересуют тенденции социального развития, рождение новых ярких характеров. Кажущаяся анекдотичность этого рассказа – прием, который прикрывает глубину рассказа. Тист Иван крепкий хозяин – у него достаточно земли, скота, и он любит работать. Подобные ему искали в революции не материальные блага и возможности, а новые духовные основы для жизни. А юмор «раскрывает серьезность и значительность того, что кажется смешным» [2, с. 814]. Тист Иван полон энтузиазма, радостного стремления к свету («югыдлань»), и в сочетании со стихийным, своенравным, упрямым характером это приводит к комическим ситуациям. Смех этого рассказа – смех здоровый, от избытка сил и свободы духа. Тист Иван пока свободный человек, еще нет коллективизации и раскулачиваний. Он радостно смотрит в будущее и поступает не по требованиям идеологических уставов, а по велению своей кипучей оригинальной натуры.

Самым последовательным писателем юмористического направления в 1920-е гг. был И. Сажин.

В. Савин называл И. Сажина «Зощенко коми деревни» [3, с. 229]. И не без оснований. Если М. Зощенко нарисовал образ городского обывателя 1920-х гг., то И. Сажин – сельского обывателя этого периода. Автор с точки зрения человека после революционного времени смотрит на неторопливую обывательскую жизнь крестьян с их смешными суевериями, верой в порчу, в чертей, долгими бабьими посиделками. Жизнь коми села, открываемая И. Сажиным, темная, но очень колоритная. Это видно из описания деревенских посиделок в рассказе «Всякая всячина». Комический эффект заключается в контрасте постоянно повторяемых извинений Варук: «Ниньом эськь эг лосьод да, сідзи коть, прьсть пукалыштö...» («Ничего ведь хорошего не приготовила, да так хоть, просто посидите»), рефреном проходящих через весь рассказ, и раблезианского обилия яств. Неслучайно полное первоначальное название рассказа – «Нечего есть или сто сортов» [4, с. 44].

Благодаря комическому ракурсу Сажин показывает коми людей в их национальной и человеческой неповторимости. В сущности, все герои юмористических рассказов – чудаки. Чудаком был и Тист Иван В. Савина, нарушающий привычный сельский уклад революционным внедрением в него новых обрядов, чудаки и герои И. Сажина – гостеприимная Варук, устроившая из посиделок

грандиозное пиршество, сельские любители чайной церемонии из рассказа «Чай», героиня из «Лукошка шевы», которая, в панике изгоняя порчу из дома, действительно чуть не умерла сама и едва не сгубила свою семью. И. Сажин, показывая мелкие бытовые проблемы крестьян, приоткрывает какие-то особенности национальной психологии, оттенки национального характера. И в этом прежде всего, а не в критике темноты и невежества крестьян, причина популярности его рассказов в 1920-е гг. – люди узнавали себя, смеялись над собой, и в этом была радость преодоления.

Возникновение юмористического направления в 1920-е гг. закономерно и связано с переживанием противоречивости времени, с той чудовищной путаницей, которая происходит в головах людей и поступках вследствие приобщения «к большим идеям». «Новое в их сознании образует самую странную смесь со старым и дает самые эксцентричные изгибы мышления», – писал И. Сац о героях М. Зощенко [5, с. 150]. Абсурдность некоторых явлений новой жизни показал и И. Сажин. В одном из эпизодов рассказа «Ён тыш» («Великая борьба») мы видим, как в церкви начинают службу с революционных песен, всем это нравится, поют громко, радостно: «Водзын бара татшöматö эз съывлыны» («Раньше-то так не пели») [1, с. 89], – хвастается одна прихожанка. Развил эту тему в своем рассказе «Со, колбкө и уджав» («Вот и работай», 1929) П. Малафеев. Он показал, как виртуозно ловкий поп использует новую идеологию. Крестьянки рыдают над его проповедью, посвященной новому празднику – Международному женскому дню, а на церковной ограде вывешен плакат: «Юрбитам водзджык урожай кыптöм вöсна» («Верующие, помолимся вместе за повышение урожая») [1, с. 188].

Писатели 20-х гг. XX в. наслаждаются возможностью писать на родном языке, использовать все его богатство. Появляется выдающийся мастер передачи с помощью слова звуков, запахов, переливов настроений, ощущений – В. Чисталев. Прозаические миниатюры этого писателя «Тулъс вöбм» («Приход весны», 1921), «Гожöм пом» («Конец лета», 1920), «Поводя вежсигбн» («Смена погоды», 1920), «Кер пöрöдöм» («Рубка леса», 1921) и другие можно считать первым проявлением импрессионизма в коми литературе. В его рассказах мир – не бытие, а становление, образы природы – «процесс, возникновение и минование» и «энергия лирическая с воздействием почти музыкальным» [6, с. 24, 34]. Звуковая симфония пармы воплощена в рассказе «Во гөгөр кытшовтöм» («Круглый год», 1919), имеющем подзаголовок «Пётка съылöм шыбн» («Звуками пения птицы»). Чистая ясная песня весны – рассказ «Приход весны». Капель, звон

топора, радостное карканье вороны, торжественное пение петуха, говор людей разносятся далеко вокруг: весной «ывлаыс гораммё», быттьёкё мыськём, пелькёдём керка» («улица усиливает звуки, как вымытая, убранная квартира») [7, с. 61]. Они сплетаются в единую радостную мелодию, ее заключительный аккорд – возглас мальчика, который вышел из дома, посмотрел вокруг, от полноты чувств закричал во весь голос «Э-э-ий», в душевном порыве помчался куда-то вперед. Пульсация жизни, музыка мира – в каждом творении писателя.

Вершиной прозы В. Чисталева, как и всей литературы 1920-х гг., стал рассказ «Трипан Вась» (1929). Хроника нескольких дней из жизни крестьянина, который в голодный год отправляется на лодке в верховье реки с припасенным зерном, расчищает поле, засеивает его рожью и обессиленный, голодный умирает – превращается в философскую притчу о вечных ценностях жизни.

Конкретны приметы времени, атрибуты социальной действительности, определяющие завязку и развязку повествования и мысли – переживания Трипан Вася (один его сын у красных, другой – совсем юный – в плену у белых) остаются на периферии читательского сознания. Главное в рассказе – другая, параллельная действительность – она вне конкретного времени, и в нее уходит Трипан Вась когда покидает свою деревню и включается в ритм природного бытия. Там нет начала и конца, а значит, нет и смерти, а есть вечное возвращение. Шелест колосающейся ржи, мягкий и спокойный, обрамляя рассказ, образует ритм вечного круга жизни.

Совмещение в сюжете произведения двух планов – исторического и мифопоэтического – придает ему символический смысл, ибо исключает однозначность толкования. Быт и бытие сошлись в образе Трипан Вася. Это и реальный крестьянин времени революционного лихолетья, и фигура почти мифическая, глубоко слитая с извечным миропорядком, природной гармонией бытия. Его окружают лес, река, луга и поля, смоляные запахи лиственницы и березы, острый запах дягиля и пряный запах красной смородины. Он живет среди звуков, голосов первозданной природы. «Первобытнэй этшён оліс да долаліс ывла» («Первобытной силой

жила и дышала природа») [7, с. 116], – пишет В. Чисталев. Трипан Вась составляет одно единое с этой землей. Он сам, как лес и поле, весь из естества: «Да и ачыс Вась сэтшём, быттьёкё пуысь, суюмдысь, кырсысь тэчёма...» («Да и сам Вась такой, будто из дерева, бересты, коры сделан...») [7, с. 116]. Трипан Вась выполняет свое природное предназначение. То, что он делает – сеет рожь, косит траву, рубит деревья, – исполнено сокровенного смысла. Постоянство и неотменимость ритмов природы и крестьянского труда, утверждаемые в рассказе, придают особое мифопоэтическое звучание произведению.

Рассказ «Трипан Вась» – это прорыв из прозы социально-бытовой в прозу философскую, для которой характерен перенос творческого интереса на вечные метафизические проблемы. Писатель перевел реальную жизненную ситуацию в мифологическую, а «момент возникновения мифологической ситуации всегда характеризуется особенно эмоциональной интенсивностью, словно в нас затронуты никогда ранее не звеневшие струны. Встретив жизненную ситуацию, мы чувствуем освобождение, ибо в нас просыпается голос рода» [8, с. 130]. Этот рассказ действительно затрагивает самые глубокие струны национального сознания. В. Чисталев создал образ, открывающий окно в глубины зырянского духа, в почти бессознательные основы народной жизнестойкости. Образ Трипан Вася превратился в архетип, и каждый коми человек переживает его судьбу как часть своей национальной биографии.

В целом в новеллистике 1920-х гг. отразилось многообразие эстетических поисков коми писателей, направленных на исследование реального мироощущения человека в переломную эпоху в его социальных, бытовых, бытийных проявлениях, которое определило богатство типологических разновидностей коми рассказа от конкретно-реалистического и юмористического до лирико-поэтического и философского. Произведения малого прозаического жанра этого времени не только высшее выражение духа своей эпохи, но и фундамент всей последующей литературы, непрерывная связь с ними обеспечивает устойчивость национальной духовной традиции.

Список литературы

1. Ытва дырйи. Коми висьт 20–30-ёд воясё. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 248 с.
2. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильчева, П. Н. Федосеева и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 836 с. 366 с.
3. Нёбдіна Виттор (В. Савин). Мусюр сайын (За лесным холмом. Рассказы, очерки, статьи). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985.
4. Сажин И. Се сикас. Вистъяс (Всякая всячина. Рассказы). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 61 с.
5. Литературный критик. 1938. № 3.
6. Яроцинский С. Дебюсси, импрессионизм и символизм. М.: Прогресс, 1978. 232 с.
7. Чисталев В. Т. Менам гора тулыс (Моя звонкая весна). Стихи и проза. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 256 с.
8. Юнг К. Г. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. 313 с.

Лисовская Г. К., научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, ГСП-2, Россия, 167982.

E-mail: olgazijav@mail.ru

Материал поступил в редакцию 13.01.2012.

G. K. Lisovskaya

THE TYPOLOGY OF THE KOMI STORY 20-IES OF THE 20TH CENTURY

The typology Komi story of the 20-ies of the 20th century is investigated. The basic types of the story of this period are the realistic, ironic, comic, lyrical story, miniature, and philosophical story.

Key words: *The story of realistic, ironic-comic, lyrical story – miniature, philosophical story.*

Institute of Language, Literature and History Komi Sciences of the Russian Academy.

Ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: olgazijav@mail.ru